

Пьедесталы и победители

Есть праздник, который никогда и никому не удастся суверенизировать или, как сейчас говорят, — растащить по национальным квартирам. Праздник этот — День Победы. А Победа — она одна на всех. На русских и украинцев, белорусов и казахов, армян и узбеков, и таковой останется.

Более полувека проходят праздники встреч и воспоминаний, парады седины и знаков воинской доблести. А с недавних пор, к сожалению, — и будни некоей незнакомой горечи и щемящей боли — от попыток не воевавших юнцов и политических дальтоники, никогда не переживавших огромных и невозвратных потерь, провести ревизию истории и даже (появились и такие) доказать немислимое: зачем было побеждать, сдались бы врагу на второй день войны — и жили бы сегодня, как они — некогда побежденные.

Оно, конечно, вроде бы шутка — не более, о какая-то унижительная и безнравственная, вызывающе-циничная.

Порождающая размышления: что это — искреннее заблуждение или чья-то плутоватая попытка разрушить нашу память, подменить | ее “памятью” желудка, разменять золото Победы на медяки воинствующего нигилизма и политической хлестаковщины? А может, вовсе не попытка, а следствие некоего манкуртизма, но не древнего, азиатского, а нынешнего, доморощенного — манкуртизма идеологического, от которого не так просто избавиться?

В памяти живет классический английский пример исторической терпимости и бережливости. Там, в далеком цивилизованном зарубежье, на одной площади, можно сказать — глаза в глаза стоят

памятники непримиримым врагам — одному известному генералу и еще более известному королю его жертве. Они, памятники, давно выяснили свои разногласия и воспринимаются современниками лишь как воплощение истории в жанре скульптуры. И никто не выплёскивает краску на своего окаменевшего или обронзовевшего оппонента. Понимание на уровне ген: прошлое принадлежит не нам, прошлое принадлежит истории и будущему; тем более что история — не земля: ее не раздашь политическим фермерам, она — наша коллективная собственность и единственная, имеющая вечное право быть беспристрастным судьей времени. Поэтому и живет в душе уверенность: когда-нибудь мы все-таки избавимся от этой взрывоопасной смеси в наших мозгах, порожденной сегодняшним социальным и политическим винегретом — несуразным сочетанием суверенного романтизма, кошелькового прагматизма и идеологического манкуртизма...

Только Мужество и Подвиг, а не идеологическая шелуха и распри в угоду желудку и политическим амбициям — тот единственный пьедестал Памяти, на котором должны стоять Победители.

Наш рассказ, долженствующий подтвердить это, о Победителях, работающих или работавших в одном трудовом коллективе — в производственном объединении Гомсельмаш. Не будем соблюдать исторической хронологии событий, ранжира наград и субординации подвигов. Имена, подвиги и события — в том порядке, в котором |они отложились в памяти.

Александр Филиппович Зайченко. В некотором смысле — воплощение нашей Победы.

Человек скромный и улыбчивый. Бывший летчик и, к сожалению, бывший инженер... Воин с парадоксальной судьбой: ему, гомельчанину, пришлось бомбить родной город — сжав зубы, смертоносные бомбы он сбрасывал как никогда аккуратно — не разрушая лишнего, точно в скопления фашистов. В Победу “окунался” трижды: в мае, слушая бодрый левитановский баритон, и как участник двух Парадов на московской Красной площади летнего послевоенного и юбилейного... Спустя сорок лет после войны, заметно сдавший, он пытался все так же ровно держать строй, четко чеканить шаг по брусчатке. О себе же почти не рассказывал, лишь однажды — то ли под настроение, то ли под напором журналиста и писателя Василя Ткачева, то ли почувствовал сам: память в могилу не несут — это надо не мертвым.

Не у всех нравственный и исторический склероз. Бывший самодеятельный сельмашевский архитектор Юрий Скоринко, ныне пенсионер, некогда первым в еще большой стране соорудивший с отцом памятник космонавтам-пионерам, предложил увековечить ратный труд тех, кто погиб в годы войны. Он и начертал на своем монументе эти известные слова: “это надо не мертвым”. Ясное дело, понимал: памятник, он, конечно, каменный, но с удивительным свойством огранивать души, приносить каждому новому поколению бесценные нравственные дивиденды. Победа, выпускной бал, первый урок, годовщина освобождения области и республики — с тех пор все торжественно-траурное — у Монумента славы.

А еще — день рождения бывшего сельмашевца,

интернационалиста Николая Дворникова, раньше других столкнувшегося с фашистами. В далекой Испании он, белорус, был командиром роты имени украинского писателя Тараса Шевченко в составе польской бригады, носившей имя Якова Домбровского. Сегодня его постамент — в названии первой сельмашевской улицы, в барельефах, в поэме “Николай Дворников”, написанной его другом народным поэтом республики Максимом Танком, в повести Якова Дробинского “От Гомеля до Эстремадура”, наконец, в псевдонимах Герасим, Максим, Стах Томашевич, в стихах почетного сельмашевца, рабочего поэта Михаила Буткевича.

Обволакиваясь настроением, царящим у монумента, моя журналистская душа всегда пытается иметь не фотографию минуты, а видео, динамику времени. И всегда, признаюсь, глядя на ветеранов, прячу горечь наблюдений — разве что не стареют они только душой. Тем более что знаю их молодыми — по фотографиям юности и многочисленным очеркам моего коллеги, подполковника-отставника, тоже участника войны, и тоже бывшего, Петра Ефремовича Гребенюка, с подачи и силами которого в заводской газете была создана живая книга “Память”.

...Инженер Владимир Васильевич Гамзин. Бывший летчик-штурмовик. Человек деликатный и немногословный, сохранивший военную выправку, с неизменной золотой звездой Героя Советского Союза На лацкане гражданского пиджака. Других высоких и весомых наград, в том числе орденов доперестроечных Александра Невского и Богдана Хмельницкого почти не надевал — их у него много.

У монумента, до своей кончины бывал часто, и всегда не понять, о чем молчал этот неседующий и мужественный человек, глядя на Вечный огонь у пьедестала. Может быть, в сполохах его памяти до сих пор горели лично уничтоженные 53 танка, 23 орудия, 98 автомашин? Или те из 447 боевых вылетов-возвращений, после которых почему-то не хмелелось от выпитого в память о погибшем однополчанине?

Мы должны быть социальными астрономами — нельзя забыть ни одного рядового большой войны, ни одной звезды-подвига, какой бы величины она ни была. Такая звездная карта судеб и подвигов создана в заводском музее боевой и трудовой славы усилиями тоже участника войны, отставника — подполковника, человека щедрейшей души Матвея Алексеевича Кузнецова. Листаешь многочисленные альбомы “Памяти”, всматриваешься в поседевших ветеранов и их награды, вчитываешься в скупые строки боевых биографий — и отчетливо уясняешь чудовищную географию войны, а ордена и медали становятся как бы волшебными увеличительными стеклами, сквозь которые высвечивается история каждого подвига.

Скупой телеграфной строкой ложатся на бумагу и эти фамилии и факты. Мастер И. И. Агибалов — участник московского Парада 7 ноября 1941 года, выживший в кровавой мясорубке под бывшей столицей; мастер А. П. Верещагин — бывший начальник штаба артиллерийского полка, один из двух сельмашевцев, удостоенных ордена Александра Невского; контролер, а ранее командир гвардейского артполка Н. П. Макаров, чье подразделение за форсирование

Днепра было удостоено ордена Красного Знамени, — награду к знамени, которое самолично держал в руках, прикреплял генерал Батов; контролер Н. А. Скубилов, чья гаубичная батарея располагалась на легендарном Бородинском поле, на том самом месте, где в 1812 году стояла батарея командира пехотного корпуса, будущего генерала от кавалерии Н.Н. Раевского; мастер А.В. Бахарев, получивший свой первый орден из рук комбрига А. В. Чапаева — сына легендарного Василия Ивановича Чапаева; бригадир А. С. Шабакаев, бывший ведомым у дважды Героя Советского Союза И. К. Степаненко и воевавший на Як-9, подаренном ему неизвестным украинским хлеборобом; бывший радиожурналист К. Н. Сергеев — почетный житель Познани; рабочий В. Ф. Смолей, ушедший на фронт с эвакуированного на Урал завода и, может быть, единственный, кто нашёл на передовой и сохранил на всю жизнь осколок мины со своим личным рабочим клеймом; слесарь Н. П. Савочкин, награжденный двумя орденами солдатской Славы...

Память — не только музей и монументы. Недавно построенный сельмашевский микрорайон, пожалуй, самый военизированный, точнее, — памятизированный в Гомеле. Новые улицы носят имена генералов-освободителей Горбатова, Ефремова, болгарской журналистки, погибшей в белорусском партизанском отряде, Карастояновой, бойца интербригады Дворникова, героя гражданской войны Чапаева, улицы — Народного ополчения, Героев подпольщиков, Царикова. Они действительно заслужили того, чтобы приватизировать частичку нашей памяти. Как, впрочем, и капитан П. Г. Дылько, наш земляк, который

никогда не станет майором... Воспитавший трех Героев Советского Союза, он, безусый симпатяга, погиб на Украине. Пьедестал ему сегодня — именной самоходный кормоуборочный комбайн, изготовленный по просьбе благодарных учеников Героя Советского Союза генерал-полковника И. П. Каманина, дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта Г. Т. Берегового и Героя Советского Союза гомельчанина Г. К. Денисенко — своеобразный памятник на колесах на земле, навечно приютившей земляка.

...Всегда у монумента Василий Николаевич Хурсан. Известный в республике кузнец, молчаливый не по характеру, скорее — по роду работы, с пышной юношески, но седой шевелюрой. Главный герой документальной повести Александра Капустина «Зов сердца». Он — всегда был рядом с Гамзиным, хотя разные они люди, Гамзин и Хурсан. Схожи, впрочем, в главном, оба — одинаковой золотой пробы, разве что свое золото Героя Хурсан заслужил в честном послевоенном труде.

...Борис Цариков, учившийся в одной из сельмашевских школ, к монументу не придет никогда. Бывший разведчик, шестнадцатилетний Герой Советского Союза, он отличился при форсировании Днепра. Да так и останется пацаном: похоронен — в братской могиле в Лоеве, обессмертен — в названии одной из красивейших улиц микрорайона, в мемориальной доске на здании своей школы, в памятнике в д. Зябровка.

...Василия Филипповича Мухина я не встречал ни разу. Помню, однако, как в свое время в заводском музее всматривался в его простое крестьянское лицо,

вчитывался в скупые по-фронтовому строчки его биографии. “Бывший столяр завода. На фронте с первых дней. Ведомый прославленного И.Н. Кожедуба. Совершил 340 боевых вылетов, провел 177 воздушных боев, сбил 19 вражеских самолетов. Единственный из сельмашевцев, имеющий четыре ордена Красного Знамени”... Тогда, в годы войны, они, русский Иван и белорус Василь, вдвоем заслужившие четыре золотые звезды Героя Советского Союза, — больше, чем иной полк, ещё не знали, что спустя много лет появятся инициаторы установления границы через их некогда общее небо.

Ветераны знают: небо начинается на земле, тыл заканчивается на фронте. Эвакуировавшись на восток, в далекий уральский город Курган, сельмашевцы слали свою продукцию на запад.

Работали по законам военного времени: опережали все мыслимые и немыслимые расчетные графики, потому что, как и фронтовики, тоже рассчитывали на Победу и, как фронтовики, получали награды из того же металла. Они создали первую в республике фронтовую бригаду. Собрали деньги набронепоезд “Советская Белоруссия”. Гордились, что их сослуживец В. Р. Нарбутович, впоследствии почетный гражданин Гомеля, депутат союзного парламента двух созывов, был признан лучшим мастером периода Отечественной войны. Затаив дыхание, слушали там рассказ А. В. Белякова о беспрецедентном беспосадочном перелете по маршруту Москва—Северный полюс — США, который совершили В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдулов и он, Беляков, — впоследствии Герои Советского Союза. Слушали и

верили, что для подвига всегда есть место. -Память не имеет границ, если историю не строить только на черном или белом фундаменте. В чем провинился В. Шапиро, попавший в плен под Харьковом? В том, что политические и военные стратеги ошиблись? А вот он, по-человечески ранимый. кремня и стали. В немецком городке Брауншвейг работал на складе двигателей для чиессершмиттов". Подвергся нечеловеческим пыткам после того, как склад взлетел на воздух. Никого не выдав, оказался в Бухен-вальде, в бараке №50, где испытывали умиротворяющие вещества. Один укол был предназначен и ему, узнику с лагерным номером 32840. К счастью, в крематорий не попал, потому что не всё были фашистами — были герои и с другой стороны: военнопленного спас немецкий санитар Ф. Унгер, подменивший содержимое ампулы и спрятавший "русского" в другом бараке. И если один жил без надежды выжить, то другой — без надежды когда-нибудь встретиться с заново рожденным. Но... Мир—тесен. Встретились побратимы после войны на родине Унгера — в Адорфе, что под Фогдтландом.

Не знаю, о чем они говорили. Знаю, о чем говорят в подобных случаях: о том, как все было, что люди должны помогать друг другу, что никто не имеет права отнимать у человека богом данную ему жизнь. Знаю, почему бы они молчали сегодня: от стыда за чье-то беспамятство, за попытку торговать — нет, не орденами, а памятью, в угоду золотому тельцу низвергнуть даже золотых героев. Как стыдится Л. П. Селедевскдя, бывшая связная, бывшая узница номер 81405 в лагере смерти Освенциме, а затем в лагере для

военнопленных в Берген-Бельзене, спасенная англичанами, а потом скромный и неприметный лифтер жилищно-коммунального управления.

Мужество не ищет места, где можно себя проявить. Сельмашевцы, только что вернувшиеся с фронта и восстанавливавшие завод, не раз слушали своего земляка Героя Советского Союза И.П. Кожара, часто приезжавшего в гости, и отчетливо понимали: Победа, она действительно одна на всех, потому что как раз всеми и завоевана. Только на территории области в годы войны было уничтожено 1386 фашистских эшелонов, 184 танка и бронемшины, 1430 автомашин, 13 самолетов и 45000 рельсов.

...И снова май. И снова зелень — в природе, кумач — в колоннах ветеранов. Не надо идеологических выпадов — ветераны никогда не воевали под другими знаменами. Лучше подойдите к ним, поклонитесь низко в пояс: спасибо вам, дорогие, за Победу, простите за то, что и сегодня, пусть не военный, но не менее разящий экономический удар вы снова приняли на себя первыми. Мы помним про ваши подвиги, потому что понимаем: это нужно не вам и даже не нам. Это надо сегодняшним малышам, нисколько не смыслящим в политических спорах взрослых, малышам, которые должны уяснить для себя главное: место Победителей — на Пьедестале нашей памяти. Навечно.